

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

17

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1945

Д. С. ЛИХАЧЕВ

«УСТНЫЕ ЛЕТОПИСИ» В СОСТАВЕ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

I

В составе Повести временных лет и в последующей Киевской летописи (в Лаврентьевском списке) встречается ряд летописных статей, содержащих в себе сведения о Добрыне Мстишиче — Добрыне Никитиче русского былевого эпоса.

1. Под 6478 (970) г.: «В се же время придоша людье ноугородьстии просяще князя собе: «аще не поидете к нам, то налезем князя собе»; и рече к ним Святослав: «а бы ношел [Р. пошел] кто к вам». И отпресе Ярополк и Олег; и рече Добрыня: «просите Володимера». Володимер бо бе от Малуши, ключнице Ользины; сестра же бе Добрыни, отец же бе има Мальк Любечанин; [и] бе Добрыня уй Володимеру. И реша Ноугородьци Святославу: «въдай ны Володимира»; он же рече им: «вото вы есть». И пояша Ноугородьци Володимера к собе, и иде Володимер с [Д о] брынею, воемь [РА: уем] своимь, Ноугороду»¹.

В этой статье, следовательно, подробно рассказывается о родстве Добрыни и Владимира. Добрыня — уй (дядя) Владимира. Затем говорится о том, что Владимир I Святославич стал новгородским князем благодаря рекомендации Добрыни. Добрыня сделал Владимира новгородским князем.

По поводу этого рассказа Повести временных лет Шахматов замечает: «Не может быть сомнения, что перед нами народное новгородское предание. В нем сказывается и некоторый юмор сознающего свой перевес новгородца и гордость по поводу сделанного выбора, ибо Владимир оказался победителем Ярополка и могущественнейшим князем русским. Кроме того, здесь в активной роли выступает Добрыня — один из популярных посадников новгородских»².

2. С этим рассказом о Добрыне явно связано сообщение Повести временных лет, помещенное под 6488 (980) г., о сватовстве Владимира к Рогнеде: «И седе в Новгороде. И посла ко Рогьволоду Полотьску, глаголя: «хочу пояти тьчерь твою собе женс». Он же рече тьчери

¹ Цитирую здесь и ниже по Лаврентьевскому списку (изд. 1926 г.): орфографию несколько модернизирую.

² А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 173 (в дальнейшем цитируется: Разыскания).

своей: «хочеш ли за Володимера?» Онс [РА: она] же рече: «не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Бе бо Рогъволод пришел и-за-морья, и имейше власть свою в Полотьске, а Туры Турове, от негоже и Туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и поведаша ему вьсю речь Рогънедину и дъчерь Рогъволожю, князя Полотьскаго. Володимер же собра вои многи: Варяги и Словени, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время [хотяху] Рогънедь вести за Ярополка. И приде Володимер на Полотеск, и уби Рогъволода и сына его дъва, и дъчерь его [Рогънедь] поя жене».

Рассказ этот о сватовстве Владимира к Рогнеде, дочери полоцкого князя Рогволода, об отказе Рогнеды пойти замуж за сына рабыни, о последующем походе Владимира на Полоцк и о захвате Рогнеды в то самое время, когда ее уже хотели вести к Ярополку, явно связан с другим рассказом Лаврентьевской летописи под 6636 (1128) г., тоже о сватовстве Владимира к Рогнеде, в котором в активной роли выступает Добрыня «храбор и наряден мужь». Рассказ этот связан и с предшествующим, приведенным нами выше рассказом о приглашении Владимира в Новгород: Рогнеда укоряет здесь Владимира именем робичича, а там, в предшествующем рассказе, указано на рождение Владимира от ключницы Ольги. Затем, и тут и там Владимир оказывается впереди своего брата Ярополка. Ярополк выше своего брата Владимира по рождению, но Владимир, хоть и сын рабыни, удачливее его. Преимущества рождения Ярополка не имеют особого значения.

3. Под 6488 (980) г. имеется в Повести временных лет и другое известие о Добрыне: «Володимер же посади Добрыню, уя своего, в Новегороде; и пришед Добрыня Ноугороду, постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему людье Ноугородьстии аки богу». В рассказе этом важны два момента: во-первых, поставление Добрыни посадником в Новгороде и, во-вторых, еще новое упоминание о том, что Добрыня приходился дядей Владимиру («уем»).

4. В связи с тем, что в рассказе этом говорится о поставлении Добрыни посадником, А. А. Шахматов, думается правильно, признает связанным с ним и предшествующий рассказ той же погодной статьи 6488 (980) г. о том, как Владимир выгнал из Новгорода посадников Ярополка¹: «Приде Володимер с Варяги Ноугороду, и рече посадником Ярополчим: «идете к брату моему и рцете ему: Володимер ти иде[ть] на тя, пристра[и]вайся противу биться». Это известие объединено тематически с предшествующим известием; вместе они составляют цельный рассказ о смене посадников Ярополчьих на Владимирову Добрыню. Отметим небезынтересную деталь: «соперник» Владимира по рождению — Ярополк — в третий раз оказывается посрамленным, и кем же? — дядею Владимира по матери-рабыне — Добрынею.

5. Под 6493 (985) г. рассказывается о походе Владимира на болгар с Добрынею, «с уем своим»: «Иде Володимер на Болгары с До-

¹ Разыскания, стр. 173—174.

брыною, с воем [РА.: уем] своим, в лодьях, а Торьки берегом приведе на коних; и победи Бол[г]ары. Рече Добрына Володимеру «съглядах колодник, оже суть вси в сапозех; сии дани не даяти, поидем искат лапотников». И створи мир Володимер с Болгары, и роте заходиша межю себе, и реша Болгаре: «толи не будеть межю нами мира, елико камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути». Вновь Добрыня выступает в активной роли; покровительственно относится к пассивному Владимиру. Вновь подчеркивается, что Добрыня приходился дядей («уем») Владимиру.

Таковы известия Повести временных лет о будущем герое русского народного эпоса Добрыне. Однако известия эти не стоят в Повести временных лет одиноко и обособленно, они связаны и с другими известиями: либо тематически, либо по своей тенденции. Поэтому, чтобы выяснить происхождение известий о Добрыне, необходимо выделить в Повести временных лет и эти примыкающие известия. Испорченный текст известия 6525 (1017) г.: «Ярослав иде и погоре церкви» А. А. Шахматов на основании росписи князей новгородских в поздних новгородских сводах, имеющей запись «и идя к Киеву, и посади в Новгороде Коснятина Добрынича», предлагает читать с известной долей вероятности следующим образом: «Ярослав идя Киеву, посади Новгороде Костянтина Добрынича»¹.

Речь, следовательно, снова возвращается к новгородским посадникам; на этот раз к сыну Добрыни — Константину.

В следующих новгородских известиях посадник Константин, сын Добрыни, играет в новгородских событиях ту же активную роль, что и его отец. Отношения Константина к Ярославу во многом подобны отношениям Добрыни к Владимиру. Видим в этом признак сознательно проведенной точки зрения на роль новгородских посадников; точка зрения, во всяком случае, не киевская, а новгородская.

Эта точка зрения на значение новгородских посадников особенно ясна в следующем известии Повести временных лет под 6526 (1018) г., рассказывающем о бегстве Ярослава после победы Болеслава: «Ярославу же прибегшю Новугороду, и хотяше бежати за море, и посадник Коснятин, сын Добрынь, с Новгородьци расekoша лодье Ярославле, рекуще: «хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомь». Вспомним аналогичное обращение новгородцев к Ярославу после избиения на Ракоме: «аще княже, братья наша исечена суть, можем по тебе бороти». В дальнейшем новгородцы «начаша скот събирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен; и приведоша Варягы [и], вдаша им скот, и совокупи Ярослав воя многы». Силами, собранными новгородцами во главе с посадником Константином Добрыничем, Ярослав побеждает Святополка.

Выделив в Повести временных лет летописные статьи, касающиеся новгородского посадника Добрыни и его сына Константина Добрынича,

¹ Разыскания, стр. 178.

обратим внимание, что они составляют собой основное ядро тех известий Повести временных лет, которые А. А. Шахматовым были возведены по своему происхождению к новгородским летописям, использованным на Юге летописателем Киево-Печерского монастыря. Представляется поэтому целесообразным для решения вопроса о происхождении этих известий о Добрыне и его сыне Константине выделить в Повести временных лет и другие из оставшихся в ней новгородских летописных статей.

Перечислим новгородские известия Повести временных лет в том их составе, в котором они обнаружены в последней наблюдательным глазом А. А. Шахматова.

Пропускаю известие 6496 г. о распределении волостей между сыновьями Владимира, которое А. А. Шахматов считает новгородским. Новгородское происхождение его сомнительно, и аргументация А. А. Шахматова в этом вопросе неубедительна.

Явно новгородский характер носит отмеченное А. А. Шахматовым известие 6522 (1014) г.: «Ярославу же сущю Новегороде, и урокомъ дающею Киеву две тысяче гривне от года до года, а тысячу Новегороде гридем раздаваху; а тако даяху посадници Новъгородьстии, а Ярослав сего не даяше отцю своему. И рече Володимер: «требите путь, и мостите мост», хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболеся».

Отметим, что известие это также связано с новгородскими посадниками и явно примыкает к статье 6523 г., где сказано о том, что Ярослав, «бояся отца своего», послал за море за варягами. Дальше в той же статье рассказывается про этих варягов известная история их избиения восставшим населением Новгорода «во дворе Поромони», гнев Ярослава, который «шед на Роком, седе въ дворе», избиение новгородцев и примирение с ними Ярослава на вече: «и реша новгородци: «аще, княже, братья наша иссечена суть, можем по тебе бороти». Обратим внимание на топографическую точность этого рассказа, указывающую на то, что она принадлежит новгородцу. Замечу, кстати, по поводу этого сообщения Лаврентьевской летописи, что нельзя считать на основании случайного искажения в ней слов «На Раком» — «на роком», что текст аналогичного рассказа новгородских летописей, где это искажение отсутствует, имеет самостоятельное происхождение, как это думает А. А. Шахматов¹. Искажение в Лаврентьевской летописи могло быть сделано либо самим Лаврентием, либо кем-либо из сравнительно поздних летописцев, предшественников Лаврентия.

Обратим внимание на типично новгородскую формулу вечевого обращения народа к князю: «Аще, княже, братья наша иссечена суть, можем по тебе бороти». Формула эта встретилась нам уже в новгородских известиях Повести временных лет под 6526 (1018) г.

Следующее известие, с новгородским происхождением которого

¹ Разыскания, стр. 177.

можно согласиться, под 6524 (1016) г.: «Ярослав же седе Кыеве на столе отьни и дедни. И бы тогда Ярослав Новегороде лет 28».

Опускаем известие 6529 г. о нападении Брячислава на Новгород и о победе Ярослава над Брячиславом на реке Судомире. Новгородский характер этого известия возможен, но не обязателен.

Погодная статья 6532 (1024) г. чрезвычайно многозначительна для того решения вопроса о новгородских известиях в Повести временных лет, которое мы намерены предложить ниже. Рассказ о новгородских событиях и о лиственской битве искусно соединен здесь с предшествующим рассказом о единоборстве Мстислава с Редедею в Тмутаракани, с рассказом о восстании волхвов в Суздале. Непосредственно после рассказа о тмутараканских событиях сообщается: «Ярославу сущю Новегороде, приде Мьстислав ис Тьмутороканя Кыеву, и и [в РА одно «и»] не прияша его Кыяне; он же шед седе на столе Черниговѣ. Ярославу сущю Новегороде тогда». Затем идет рассказ о восстании волхвов в Суздале, подавлять которое отправился Ярослав из Новгорода. Рассказ этот представляет собой как бы схему пространного повествования Яна Вышатича о восстании волхвов в Белозерье, помещенного под 6579 (1071) г.

После подавления восстания Ярослав снова возвращается в Новгород: «И възвративъся Ярослав, приде Новуногороду, и посла за море по Варягы...»

Затем следует известный рассказ о Лиственской битве и о Якуне: «и бе Якун слеп, [и] луда бе у него золотомь истькана». Обратим внимание на то, что рассказ о Якуне и о его золотой луде имеет все признаки устного происхождения. Шахматовым приведены справедливые соображения о том, что смерть Якуна не могла произойти в 6532 (1024) г., а произошла не раньше 1030 г. «Судя по Печерскому Патерику, Якун изгнал своих племянников Фрианда и Шимона по смерти брата своего Африкана; это событие едва ли имело место раньше 1030 г. (года рождения Всеволода Ярославича, на службу к которому Ярослав определил прибывшего к нему после смерти Африкана Шимона)»¹. И в Лаврентьевской летописи, и в Печерском патерике упоминается «златая луда» Якуна, причем в Патерике в такой форме, которая явно заставляет предполагать наличие каких-то хорошо известных рассказов о ней: «Бысть в земли Варяжьской князь Африкан, брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златые луды»². Не можем согласиться с А. А. Шахматовым в том, что упоминания в этом рассказе «златой луды» — позднейшие вставки.

Наконец, к числу новгородских известий в Повести временных лет А. А. Шахматов относит по ряду признаков и пространный рассказ 1042 г. о неудачном походе Владимира Ярославича на Царьград, в котором, как известно, принимал участие Вышата, все упоминания о котором А. А. Шахматов считает позднейшими.

¹ Разыскания, стр. 511.

² «Киево-печерский патерик», под ред. Д. И. Абрамовича, 1930, стр. 1.

Мы перечислили все главнейшие известия Повести временных лет, которые А. А. Шахматов возводит к новгородскому источнику. Сделаем теперь суммарную характеристику приведенных выше новгородских известий Повести временных лет.

Во-первых, они не носят характера систематического обзора событий новгородской истории. Они рассказывают главным образом о событиях, связанных с двумя лицами — посадником Добрыней и его сыном, посадником Константином, роль которых в исторических событиях постоянно подчеркивается.

Во-вторых, отметим, что рассказы об этих двух лицах носят устный, а не письменный характер. Устный источник рассказов о Добрыне неоднократно подчеркивался исследователями, связывавшими их с позднейшим эпосом о Добрыне Никитиче. Не отрицается этот устный характер и А. А. Шахматовым, высказавшим по этому поводу ряд весьма интересных гипотез. Однако А. А. Шахматов относит этот устный источник к Новгороду, считая, что он был использован Новгородской летописью, хотя Новгородская летопись никогда на протяжении всех веков, вплоть до XV в. (точнее, до свода 1448 г.) не пользовалась ни устными преданиями, ни рассказами старожилов. Использование эпического материала — черта Киевской летописи. Вс. Миллер считал предания о Добрыне киевскими. А. А. Шахматов полемизировал с Вс. Миллером, считая предания о Добрыне новгородскими¹. Действительно, Добрыня принимает участие только в новгородских событиях, но в Новгородской летописи он не отмечен, а отмечен лишь в Киевской. Примирить это противоречие мы могли бы только предположив, что новгородские предания о Добрыне были записаны киевским летописцем. В таком случае нам стало бы понятно, что биографические сведения о новгородском герое Добрыне, в особенности данные о его родстве с Владимиром Святославичем через Малушу, поставлены в ближайшее отношение к преданиям Киевской летописи о Люте-Мстише Свенельдиче².

В-третьих, характер новгородских известий обнаруживает, что все они стоят в прямом отношении к известиям Киевской летописи. «Новгородский свод, — пишет А. А. Шахматов, — стоял в прямой зависимости от Древнейшего Киевского свода... киевское известие о распределении волостей между сыновьями Святослава вызывает новгородскую статью о том, как новгородцы добыли себе в князя Владимира; киевское известие о поставлении Владимиром кумиров в Киеве вызывает известие новгородское о поставлении кумира в Новгороде Добрынею; киевское известие о походе Владимира на болгар вызывает новгородское предание о спутнике Владимира в его походах, Добрыне; киевский рассказ об убиении Бориса и Глеба и последовавшем столкновении Ярослава с Святополком вызывает новгородские подробности об этом столкнове-

¹ Разыскания, стр. 173.

² Там же, стр. 371 сл.

нии и некоторых предшествовавших ему обстоятельствах. Такого рода известия Новгородского свода наводят на мысль, что он представлял из себя переработку Древнейшего Киевского свода; новгородский редактор этого свода дополнил Киевский свод новгородскими подробностями и известиями; быть может, он и продолжил этот свод»¹. Таким образом Шахматов предлагает сложное объяснение происхождения новгородских известий в Повести временных лет. Думается, что тесная связь новгородских известий с киевскими, их хронологическая «прикрепленность» к последним легче и проще может быть объяснена не сложной работой новгородского летописца, пользовавшегося якобы Киевской летописью как основой, а тем, что одним из сводчиков киевской летописи были использованы устные рассказы о новгородских событиях. Эти устные рассказы киевский летописец, хронологически распределяя их, «прикрепил» к событиям киевской летописи.

Итак, А. А. Шахматов отметил ту связь, которая существует в Повести временных лет между новгородскими известиями и киевскими событиями. Отметим также и ту связь, которая существует между рассказами о Добрыне и тмутараканскими известиями Повести временных лет. Предание о Добрыне под 6493 (985) г. явно связано с тмутараканским преданием о добровольном отказе хазар от дани. Рассказ о новгородских событиях 6532 (1024) г. поставлен в связь с рассказом о единоборстве Редеди с Мстиславом в Тмутаракани же под 6530 (1022) г. Наконец, вне сомнения связь тмутараканской по своему происхождению Корсунской легенды² с преданием о сватовстве Владимира к Рогнеде через Добрыню. Связь эта подробно прослежена исследованием Н. Серебрянского³ и не вызывает сомнений. Немногочисленные новгородские известия Повести временных лет трижды, следовательно, стоят в связи с известиями, касающимися Тмутаракани.

Таким образом, новгородские по своему происхождению известия Повести временных лет тесно связаны с киевскими известиями, с одной стороны, и тмутараканскими, — с другой.

Обратимся теперь к вопросу о том, кто мог быть новгородским корреспондентом киевского летописца.

Определить новгородского корреспондента южного летописца помогает нам сама хронология новгородских известий в Киевской летописи. Новгородские известия имеются в Повести временных лет только до 60-х годов XI в. «После указанной статьи 6574 (1066) года, — пишет А. А. Шахматов, — мы не находим более в Повести вр. лет (Начальном своде) ни одного известия, которое можно было бы возвести к нов-

¹ Разыскания, стр. 181—182.

² Тмутараканское происхождение «Корсунской легенды» о крещении Владимира I Святославича доказано В. Л. Комаровичем (История русской литературы, Институт литературы АН, т. I, 1941, стр. 268—270).

³ Н. Серебрянский. Древне-русские княжеские жития, М., 1915, стр. 71—78 и др.

городской летописи»¹. Дату, приводимую А. А. Шахматовым, — 1066 г. — следует отодвинуть назад еще на два года. Известие 6574 г. («Заратися Всеслав, сын Брячиславль, Полочъске и зая Новъгород») и известие 6573 г. («в се же лето Всеслав рать почал»), как это признано и В. М. Истриным, нельзя считать безусловно новгородскими. Они касаются Новгорода в той же мере, как и Киева, Полоцка, Чернигова и других городов Руси.

С 1064 по 1066 гг., как известно, летописец Никон находился в Тмутаракани. На основании тмутараканских рассказов были составлены многие летописные статьи в своде Никона. Никон широко и смело пользовался народными преданиями и устными рассказами. Народные предания использованы Никоном в рассказах о поединке Мстислава Храброго с касожским князем Редеди, о хазарской дани и т. д. Несомненно, с чужих слов² записаны Никоном неточно датированные известия об уроде, выловленном в Сутомле (под 6573 г. вместо 6574 г.), о солнечном затмении (под 6573 г. вместо 6572) и др.

После всех сделанных нами наблюдений обратим внимание на известие 6572 (1064) г.

Никон записал: «Бежа Ростислав Тмутороканю, сын Володимерь, внук Ярославль, и с нимъ бежа Порей и Вышата, сынъ Остромирь, воеводы Новъгородского»³.

Ростислав прибыл в Тмутаракань не только с двумя спутниками (об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что сразу же по прибытии в Тмутаракань Ростислав оружием свергает Святослава)⁴, однако только этих двух спутников отмечает летописец. Кто был Порей, мы не знаем, о Вышате же отмечено «сын Остромирь, воеводы Новъгородскаго» и впоследствии неоднократно упоминаемый в летописи Ян называется «сын Вышатин» (6573 г.), что указывает на то, что и Вышата был знаком летописцу.

Итак, вот ясное свидетельство о возможном источнике новгородских известий киевской летописи: новгородец Вышата — отец Яна Вышатича, рассказами которого, как это доказано А. А. Шахматовым, пользовался Никон⁵, прибыл в Тмутаракань, когда там находился Никон в 1064 г. Как раз на 1064 г. в Повести временных лет прерываются новгородские известия. Нашему предположению будто бы противоречит то обстоятельство, что Вышата в последние годы перед прибытием в Тмутаракань не жил в Новгороде. Однако, как новгородец, Вы-

¹ Разыскания, стр. 181. Подчеркнуто мною. — Д. Л.

² См. там же, стр. 453.

³ Текст, данный в разрядку, читается в Ипатьевском списке.

⁴ «Как видно, около Ростислава собралось немалое число искателей счастья и недовольных, — пишет С. Соловьев; — он имел возможность, пришедши в Тмутаракань, изгнать оттуда двоюродного брата своего, Глеба Святославича, и сесть на его место» (С. Соловьев. История России, кн. I, изд. Общ. польза, стр. 291).

⁵ «В числе лиц, сообщавших Никону материалы для летописи, можно с уверенностью назвать боярина Яна Вышатича» (Разыскания, стр. 531).

шата мог интересоваться событиями новгородской жизни и передать тот же интерес Никону.

Пожалуй, самым важным в решении вопроса о том, кто был новгородским корреспондентом киевского летописца, является для нас то обстоятельство, что в двух случаях новгородские статьи Повести временных лет рассказывают о событиях, участником которых был (в одном случае несомненно, а в другом случае вероятно) именно Вышата. Мы имеем в виду рассказ о неудачном походе новгородского князя Владимира Ярославича на Царьград и известие о конском море во время похода того же Владимира Ярославича на Емь. Не случаен также интерес новгородского рассказчика к восстаниям волхвов (см. выше об относительном сходстве новгородского рассказа о восстании волхвов в Суздале под 6534 (1026) г. с аналогичным рассказом под 6579 (1071 г.), объясняемый тем, что Вышата сам участвовал в подавлении восстания волхвов.

К новгородскому князю Владимиру Ярославичу, в дружине которого состоял Вышата, в Повести временных лет относятся еще два известия, определяемые А. А. Шахматовым как «новгородские». Под 6558 г. сообщено о кончине жены Ярослава — матери Владимира Ярославича, а под 6560 г. — о кончине самого Владимира Ярославича в Новгороде, причем отмечено и место его погребения: храм Софии «юже бе сам создал».

Укажем также, что в ряде других случаев Вышата выступает как несомненный источник устных рассказов киевского летописца (отсылаю к «Разысканиям» Шахматова).

Мы выяснили выше, что устные сведения о новгородских событиях изложены, повидимому, киевским летописцем, искусно приурочившим рассказ Вышаты к рассказу о событиях Южной Руси. Кроме того, мы выяснили, что они, вместе с тем, носят новгородский характер: рассказывавший их выказывает близкое знакомство с топографией Новгорода и по преимуществу интересуется событиями, так или иначе связанными с новгородскими посадниками.

В последнее время новгородское происхождение Вышаты, несмотря на прямое указание летописца под 1064 г., подвергнуто некоторому сомнению. «Отмечу, как ошибку, — пишет М. Д. Приселков, — попытку истолковать этого Вышату как сына Остромира, воеводы Новгородского, упомянутого в «Повести» под 1064 г., едва ли известного в Киеве. Вышата, отец Яна, был сверстником Остромира. Ян родился в 1016 г. и ему было уже 27 лет, когда состоялся поход на Царьград»¹. Действительно, если Ян родился в 1016 г., то он никак не мог быть внуком Остромира. Либо ошибочно утверждение летописи, что Вышата был сын Остромира, либо ошибочно известие Повести временных лет под 1106 г. о том, что к моменту смерти Яну исполнилось 90 лет. М. Д. При-

¹ М. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 18.

селков безоговорочно считает ошибочным первое известие летописи — о родстве Вышаты. Однако следует, очевидно, предположить ошибочность второго известия — о возрасте Яна Вышатича. В самом деле, летописцу естественнее было ошибиться в определении возраста Яна Вышатича, чем придумать, неизвестно с какими целями, родственные отношения Вышаты к Остромиру, которые в условиях еще далеко не отжившего родового быта должны были особенно прочно запоминаться современниками. Между тем, определение возраста Яна Вышатича тем более недостоверно, что число 90 обычно употребляется в качестве эпического определения преклонного возраста (ср. например, в былине о Василии Буслаевиче «А и жил Буслай до девяноста лет»¹ или «Жил Святослав девяноста лет»²).

Следует помнить также, что число девяноста играло в русском счете, по свидетельству С. Герберштейна, совершенно особенную роль: «Способом счета они (русские.—Д.Л.) пользуются таким, что считают и делят все предметы по сорока или девяноста (sorogk ant Devuenosto), т. е. или по сороковому или по девяностому числу, так же как мы по сотням»³. Естественно, что летописец, записавший от Яна Вышатича ряд рассказов о весьма отдаленных временах, несколько преувеличил возраст своего корреспондента и прибегнул к эпическому определению его преклонных лет. Исходя из указанного летописцем возраста Яна, мы должны были бы предположить, что в 50 лет Ян пользовался еще очень малой известностью, состоя дружинником черниговского князя; в 70 лет Ян достиг поста тысяцкого в Киеве; в 80 лет был в зените своей деятельности и вел чрезвычайно энергичную политику, и только после был отстранен от политической деятельности «уными» дружинниками Всеволода, а затем и Святополка по политическим соображениям, хотя и после стремился попрежнему вступить в политическую борьбу своего времени, а накануне своей смерти участвовал в походе против половцев, победил их и преследовал на огромном расстоянии от Заречьска и до самого Дуная: «Воеваша половци около Заречьска, и посла по них Святополк Яня и Ивана Захарьича, Козарина; и угонища половце, и полон от[ъ]яша» (Лаврентьевская летопись)⁴. Аналогичная ошибка в определении возраста идеализируемого князя имеется в «Слове о князях»: возраст Давида Святославича определен в «Слове» как девяностолетний⁵; на самом деле Давид умер, будучи гораздо моложе.

Отсюда ясно, что летописец ошибся не в определении отца Вышаты, а в определении возраста его сына — Яна. Будь Ян моложе на

¹ К. Данилов, № 9.

² Гильфердинг, № 73.

³ С. Герберштейн. Записки о московитских делах, СПб., 1908, стр. 90.

⁴ Ср. в Ипатьевской: «Повоеваша половци около Заречьска и посла по них Святополк Яна Вышатича и брата его Путятю, Иванка Захаровича и Козарина; и угонивше половце до Дуная, полон отъяша, а половце посекоша».

⁵ «Слово похвальное на перенесение мошей святых Бориса и Глеба», Памятники древней письменности, вып. ХСVIII, 1894, стр. 9.

15—20 лет, чем это указано летописцем, он вполне мог бы быть внуком Остромира.

Укажу еще на одно обстоятельство, подтверждающее новгородское происхождение Вышаты. Вышата участвовал, как известно, в походе Владимира Ярославича на Византию. Поход был организован Владимиром из Новгорода, где перед тем Владимир княжил. Как известно, организация походов на Византию постоянно занимала новгородцев. После этих походов новгородцы усиленно оседали в Киеве или по берегам Черного моря. Владимир, организовав с помощью новгородцев поход на Византию, вывез из Новгорода, в числе прочих новгородцев, и Вышату. Как обычно в таких случаях, после неудачного похода Владимира, возможно ослепленный, Вышата осел на юге, опасаясь своим возвращением в Новгород возбудить недовольство новгородцев.

На новгородское происхождение Вышаты указывает и само имя его. Сокращение Вышаты из Вышеслав типично новгородское, как Гюрята — из Георгий, как Жидята — из Жидислав, как Воята — из Воислав и т. д. Такого рода сокращения были широко распространены в Новгороде. Это типично новгородское имя Вышата продолжал носить и в Киеве, где оно вошло в отчество его сына (Ян Вышати ч). Наличие имени Вышаты в Новгороде доказывается следующим местом новгородской летописи: «ходиша на Емь молодьци о Вышате о Василевици» (Новг. 1, 19, 6).

Установив новгородское происхождение Вышаты, вопреки утверждениям М. Д. Приселкова, мы не можем одновременно не вспомнить весьма интересного соображения Д. И. Прозоровского об Остромире, как сыне посадника Константина и внуке, следовательно, Добрыни. Д. И. Прозоровский доказывает последнее припиской в так называемом Остромировом евангелии 1056—1057 гг.: «Написахъ же ейглие се рабу бжию наречену суцу въ крщени Иосифъ. а мирьскы Остромиръ. близоку суцу Изяславу князу. Изяславу же князу тогда прѣдръжящу обѣ власти и отца своего Ярослава и брата своего Володимера. Сам же Изяславъ князь правляше столь оца своего Ярослава Киевѣ. А брата своего столь поручи правити близоку своему Остромиру Новѣгородѣ».

Итак, Остромир был «близок», т. е. дальний родственник, Изяслава. Остромир не князь и не мог быть князем, как посадник. Среди посадников мы вообще почти не встречаем людей княжеских фамилий. Поэтому, — утверждает Д. И. Прозоровский¹, — Остромир был сыном Константина и, следовательно, внуком Добрыни² — «уя» Владимира I.

Если Вышата был действительно потомком посадника Добрыни, то нам становится понятным включение в текст Киевской летописи ряда новгородских известий с участием Добрыни. Так же как и Остро-

¹ Д. Прозоровский. Новые разыскания о новгородских посадниках. СПб., 1892, стр. 3.

² Константин, как сын Добрыни, отмечен в Повести временных лет под 1018 г.

мир, подчеркнувший свое родство с князем Изяславом в приписке к евангелию 1056—1057 гг., Вышата подчеркивает родство Добрыни и Владимира. Отсюда понятна настойчивость в проведении этого указания во всех рассказах о Добрыне. Не один раз повторяется в этих рассказах, что Добрыня приходился «уем» Владимиру¹, и точно указывается, как это родство осуществлялось: «бе бо Володимер от Мальфеди [от Малуши — в Лавр. и Комм.], ключьнице Ользины, сестра же бе Добрынина, отць же бе има Мьстиша Свенельдичь [Малък Любечанин — в Лавр., Малко Любцанин — в Комм. и Радз.], и бе Добрыня уй Володимеру».

В рассказах о Добрыне подчеркивается всюду, что Владимир слушается советов Добрыни, последний же выполняет его наиболее сложные поручения.

Тот же эгоцентрический характер носят и вставки в статью 1043 г. о поражении сына Ярослава — Владимира — греками. В отношении этих вставок можно считать прочно установленным, что события, изложенные в них, рассказаны были Никону Яном Вышатичем или, может быть, самим Вышатой. В этих вставках подчеркнуто воеводство Вышаты, причем так, точно Вышате принадлежало главное воеводство, хотя в первоначальном рассказе воеводой значился Иван Творимиричь.

В новгородских известиях киевской летописи определенно чувствуется нарочитое внимание к истории новгородских посадников по преимуществу. Эти посадничьи и одновременно семейные воспоминания носят явно тенденциозный характер.

Можем ли мы, однако, считать, что новгородские известия были записаны в южную летопись именно Никонем? Прекращение их на 1064 г. не указывает ли на то, что именно в этом году прервались связи Вышаты и его сына Яна Вышатича, а что самый рассказ их о новгородских событиях был записан значительно позднее. Думается, что нет. Дело вовсе не в том, что только у одного или двух лиц на Юге могли быть тесные связи с Новгородом и что эти связи могли затем внезапно прерваться — связь Киева с Новгородом поддерживалась постоянно, и ни о каком перерыве в ней говорить нельзя. Дело, как нам думается, в том, что все сообщения о новгородских событиях до 1064 г. носят характер рассказа одного лица, доведшего его до своего времени.

Только Никон мог связать рассказ о Добрыне с Тмутараканью, как это явно чувствуется в статье 6493 г. о Добрыне, который, осмотрев взятых в плен болгар, сказал Владимиру: «съглядах колодник..., поидем искать лапотников». Рассказ этот связан общим мотивом добровольного отказа от дани с тмутараканским преданием о хазарах, также добровольно отказавшихся брать дань с полян. Может ли это быть случайностью? Может ли быть случайностью связь принадлежащей Никону Корсунской легенды с преданием о сватовстве Владимира через

¹ «И иде Володимер с Добрынею, уемь своимь, Новугороду» (6478); «в посади Добрыню, уя своего, Новегороде» (6486); «иде Володимер на българы с Добрынею, с уемь своимь в лоднях» (6493).

Добрыню, а также связь рассказа о новгородских событиях 6532 (1024) г. с рассказом о единоборстве Редеди с Мстиславом Тмутараканским — 6530 (1022) г.?

Интерес к Новгороду вообще характерен для Никона. Кроме Вышаты, у Никона был, несомненно, и другой источник сведений о новгородских событиях. В 1067 г. Никон, по просьбе жителей Тмутаракани, ездил в Чернигов просить на тмутараканское княжение сына Святослава — Глеба, бывшего одно время новгородским князем. Вторично побывав в Тмутаракани с Глебом, Никон вернулся в Печерский монастырь. Рассказ о появлении волхва в Новгороде при князе Глебе, как справедливо утверждает А. А. Шахматов, записан Никоном от Глеба. «Никон, посадивший в 1067 г. Глеба на тмутараканский стол, мог поддерживать с ним так или иначе сношения и по переходе его в Новгород в 1068 или 1069 г.». Так же точно, по устному рассказу какого-то новгородца по 1071 г., дано описание бесов со слов кудесника из племени Чуди. Итак, вполне в духе Никона было пользоваться устными рассказами близких ему лиц. Особенно много этих рассказов записано им в Тмутаракани: очевидно, и в силу отсутствия у Никона письменных источников, и в силу особых условий жизни Никона в Тмутаракани, где он находился в самом центре политических событий и общался с большим числом лиц из самых разнообразных областей Руси.

Итак, корни близких впоследствии отношений между Вышатой, Яном Вышатичем и летописцами Печерского монастыря — Никоном, Иоанном и Нестором — восходят еще к тмутараканскому периоду жизни Никона. Здесь, в Тмутаракани, в 1064—1066 гг. отец Яна — Вышата, сообщал Никону недостававшие ему новгородские известия. Возможно, впрочем, что многие из внесенных Никоном в свою летопись известий были записаны им позднее, но в целом надо думать, что новгородские известия, встречающиеся в Киевской летописи только до 1074 г., были собраны Никоном приблизительно около этого же времени.

Если встреча Никона с Яном Вышатичем произошла в год приезда в Тмутаракань его отца — Вышаты, то это могло бы объяснить и помещение рассказа о ростовских волхвах, начинающегося неопределенным указанием на время «бывши единою скудости в Ростовьстей области», именно под 1064 г., годом встречи Никона и Яна.

II

Итак, мы можем проследить в Повести временных лет на протяжении пяти поколений судьбу новгородского посадничьего рода, переехавшего в Южную Русь и здесь занявшего видное положение при дворе киевских князей. Добрыня, Константин, Остромир, Вышата, Ян — так вы представители этого рода, сведениями о котором снабдили летописца два последних его представителя. Однако этими именами родовое предание не ограничивалось, оно уходило вглубь времен еще на два поколения, с которыми связан ряд значительнейших эпизодов киевской истории.

Глава XIV «Разысканий» А. А. Шахматова — «Мстиша Свенельдич и сказочные предки Владимира Святославича», чрезвычайно ценная по своим материалам и выводам, целиком посвящена отцу и деду Добрыни — Мстише-Люту Свенельдичу и Свенельду. Выводы этой главы «Разысканий» А. А. Шахматова дают важный материал, подтверждающий и обогащающий новыми данными все изложенное нами выше.

В своем исследовании А. А. Шахматов пришел к выводу о резком расхождении между Древнейшим Киевским сводом 1039 г. и Начальным Киево-Печерским сводом 1095 г. в сведениях о Мстише-Люте и Свенельде. В обоих этих сводах отразились два различных ряда исторических преданий о Свенельде и его сыне.

Первоначальный вариант исторических преданий о Свенельде тесно связывал имя Свенельда с убийством Игоря. Игорь дал Свенельду право сбора дани в Деревской земле. Повидимому, в Древнейшем своде читалось об Игоре: «И бе у него воевода именьмь Свенельд. И иде Игорь... И примучи Угличе и възложи на ня дань и въдасть Свенельду; и дасть же дань Деревскую Свенельду; и имаше по чърне куне от дыма. И реша дружина Игореви: се дал еси единому мужеви мьного; отроци Свенельжи изоделися суть оружием и пърты, а мы нази» и т. д.¹

Побуждаемый ропотом дружины, Игорь идет походом в Деревскую землю. Свенельд не отказывается от прав на деревскую дань. Игорева дружина сражается с дружиной Свенельда и подданными Свенельда — древлянами. В произошедшем столкновении Игорь убит сыном Свенельда — Мстиславом Лютым².

Этот ход событий резко изменен в Начальном своде — в том самом своде, к которому восходят, по Шахматову, все новгородские известия Повести временных лет. Изменения эти любопытны своею тенденциозностью. Исключено начало рассказа об уступке Игорем дани Свенельду. Иному освещению подвергся самый ход столкновения Игоря с древлянами. Исключено имя Мстиши, однако сохраненное для ближайшего определения Святославова воеводы Свенельда, как отца этого Мстиши. В противоположность Древнейшему своду, в Начальном своде Свенельд воевода Ярополка, а не Игоря; Мстиша-Лют находится на службе у киевского князя; не он убивает киевского князя, а его самого убивает древлянский князь, когда он зашел на его землю. А. А. Шахматов так характеризует произведенные в Начальном своде изменения: «Исключен всякий намек на то, что убиение Игоря возникло в конце концов на почве соревнования дружины Игоревой с дружиной Свенельда; для этого опущено сообщение о том, что Игорь уступил своему воеводе Свенельду Угличскую и Деревскую дани; правда, в речи дружины Игоревой сохранена фраза «отроци Свенелжи изоделися суть оружиемъ и порты, а мы нази», но из этой фразы не видно, чтобы Свенельд

¹ Разыскания, стр. 106 сл.

² Там же, стр. 365.

и его дружина кормились именно Деревскою данью и чтобы поход Игоря нарушил интересы Свенельда; опущение фразы: «се дал еси единому мужеви много» в начале той же речи Игоревой дружины доказывает стремление редактора Нач. свода устранить всякую мысль о недовольствии между Игорем и Свенельдом. Редактор Нач. свода вместо этого исключенного им начала вставляет в свой рассказ фразу: «И приспе осень, и нача мыслити на Древляны, хотя примыслити большую дань», и его не смущает то обстоятельство, что он приписал в этой фразе инициативу похода на Деревскую землю Игорю, а в нижеследующем тексте выставил виновником похода дружину Игореву, а не самого Игоря. Итак, Игорь пошел в Дерева в дань. Редактор, устраняя мысль о столкновении Игоря со Свенельдом, спешит тотчас же к изображению таких данных, которые объясняют развязку Игорева похода. Игорь «примышляше к первой дани»; здесь брошен намек или на то, что Игорь стал брать лишнее, большую дань, или на то, что он стал брать вторую дань; если, действительно, мы имеем намек на то, что Игорь брал вторую дань, то ясно, что составитель Нач. свода исходил не из предложенного им самим текста, а из текста своего источника, из которого можно было заключить, что Игорь пошел за данью, уже отданной другому, и, может быть, уже собранной этим другим. Но от намека редактор Первонач. свода переходит уже к прямому изображению тех обстоятельств, которые, по его мнению, могли послужить причиной недовольства древлян: Игорь «насиляше им и мужи его». Итак, дело близится к развязке: древляне восстали и убили Игоря. Так хотел рассказать редактор Нач. свода. Но он во-время спохватывается: и в Древн. Киевском своде Игоря побеждают древляне, но с ними, во главе их, Свенельд и лютый Мстислав (Мистиша-Лют); этим объясняется поражение Игоря и его убиение; в Нач. своде названные герои устранены из рассказа — они не враждебны киевскому князю, они его верные слуги; как же понять перевес древлян и несчастный исход игорева похода? Мы видели, к какому приему прибег редактор Нач. свода: Игорь побит вследствие малочисленности своей дружины. Составитель Начального свода так прямо и говорит в конце рассказа: «Убиша Игоря и дружину его: бе бо их мало»; малочисленность же дружины объясняется тем, что большую часть ее Игорь отпустил от себя; отпустил же он ее от себя для того, чтобы поживиться данью с древлян в свою пользу. Нужды нет, что редактор впал в противоречие: Игорь идет на древлян для своей корысти, между тем как выше к походу его побуждают жалобы той самой дружины, в угоду которой предпринят поход и которая потом оказывается помехой для наживы самого князя; редактор нечувствителен к этим противоречиям: и выше Игорь выставлен инициатором похода («хотя примыслити большую дань», ниже: «желая больша именья»).

Для редактора важно одно: благополучно довести до конца свой рассказ, отступивший от основного источника и устранить мысль о

том, что *Игорь убит Свенельдом и Мистишей — этими народными героями, а не самими древлянами*.¹

Все изменения в тексте свода, касающиеся Свенельда и Мстиши, А. А. Шахматов считает сделанными на основании какого-то устного источника, героизировавшего Свенельда и Мстишу, подчеркнувшего их преданность роду киевских князей и устранившего всякое участие и Мстиши и Свенельда в убийстве Игоря.

«Устраняя из лагеря противников киевского князя Свенельда и Мстишу,— пишет А. А. Шахматов,— составитель Нач. свода руководствовался таким источником, который прямо называл их слугами и приверженцами этого князя»². Именно для этого в рассказе о погребении Игоря и о вокняжении Ольги «с детским» Святославом редактор Начального свода к словам «и кормилец его Асмуд» прибавил: «и воевода бе Свенельд, ть же отец Мистишин».

Нам знакома тенденция данных переделок, стремящихся подчеркнуть роль представителей этого древнего киевско-новгородского рода при дворе киевского князя, их верность роду последнего. Знакома и сама манера прибавки одного имени к имени другого: этим же самым способом Вышата сделан главным воеводой в походе Владимира Ярославича на Константинополь, а настоящему воеводе Владимира — Ивану Творимиричу придано второстепенное значение. Нельзя не отметить того же стремления подчеркивать родственные отношения по нисходящей линии. Подобно тому, как Вышата определяется, как отец Яна (под 6551 г. и др.), здесь в рассказе о Свенельде этот последний определяется как отец Мстишин. Подчеркивание родственных отношений играет существенную роль в рассказах как о Свенельде и о его сыне Мстише, так и в рассказе о Добрыне, Константине, Вышате и Яне. Мы видим и тут, и там одну и ту же тенденцию возвеличивания рода, тенденцию подчеркивания его политической лояльности и феодальной преданности роду киевских князей.

Обратим внимание на еще одну тенденциозную вставку, сделанную в рассказе о возвращении Святослава на Русь из Болгарии: «И рече [Святослав]: поиду в Русь и приведу больши дружине; и поиде в лодьях. Рече же ему воевода отень Свенельд: поиди, княже, около на коних: стоять бо Печенези в порозех. И не послуша его, нъ поидоша в лодьях».

А. А. Шахматов считает вставленными слова «рече же ему... в лодьях»³ и остроумно доказывает это рядом соображений. Тенденциозный характер этой вставки также ясен: Свенельд выступает главным советчиком Святослава, подобно тому, как Добрыня являлся главным советчиком Владимира, а Константин — Ярослава. Ослушание Святослава ведет к его гибели.

Нет надобности приводить другие факты, доказывающие, что все

¹ Разыскания, стр. 367—369. Курсив мой.— Д. Л.

² Там же, стр. 369.

³ Там же, стр. 370—371.

вставки и изменения в летописных известиях о Свенельде и его сыне Мстише-Люте сделаны под влиянием все того же родового предания, которое снабдило позднейших летописцев сведениями и о других представителях этого рода.

Кем и когда были подсказаны летописцу эти изменения? Мы знаем, что и Вышата и Ян Вышатич — два последних представителя этого рода, — имели тесное общение с тремя поколениями киевских летописцев. Рассказами Вышаты и его сына Яна пользовался составитель свода 1073 г., свода 1095 г., Повести временных лет. А. А. Шахматов считает, что вставки эти принадлежат редактору Начального свода 1095 г.: редактор Начального свода охотно пользовался устными сведениями от Яна Вышатича. Однако одно обстоятельство заставляет нас склониться в пользу того мнения, что все изменения в рассказе о Свенельде сделаны в Тмутаракани Никоном. В самом деле, нельзя не обойти вниманием того поразительного факта, что составитель новой редакции сведений о Свенельде и Мстише-Люте упорно стремится отождествить сына Свенельда Люта с тмутараканским князем Мстиславом Лютым и дать новое имя Люту — Мстиши (сокращенное от Мстислав) ¹.

Мстиша-Лют, как убедительно показывает Шахматов ², не кто иной, как Мстислав Владимирович Лютый — князь тмутараканский, известный по Киево-Печерскому патерику (в рассказе о Якуне «иже от беже златы руды [вм. луды], бьяся полком по Ярославе с лютым Мстиславом) и по Соф. I под 6532 (1024) г.: «Ярослав Владимирович в Суздали изби вълхвы, а брат его Лютый Мьстислав седе в Чернигове».

Летописец явно слил в одно лицо тмутараканского князя Мстислава и сына Свенельда. Сделать это мог, конечно, Никон, проведенный в Тмутаракани годы изгнания и обогативший летопись тмутараканскими преданиями.

III

Итак, судьба семи поколений предков Яна Вышатича отмечена составителями Киево-Печерских сводов на основании рассказов двух последних представителей этого рода. Эти рассказы, неточные хронологически, иногда несущие в себе следы влияния сказочных мотивов, отмечены, тем не менее, единой тенденциозной мыслью, героизирующей этот род, подчеркивающей его весомость в общем раскладе сил Киевского государства. Определить основы этой тенденциозности помогает выяснение политических взглядов Вышаты и Яна Вышатича, отраженных летописью.

Служебная карьера Вышаты и его сына Яна может быть раскрыта на основании данных Повести временных лет следующим образом. Сын новгородского посадника Остромира, Вышата участвовал, повидимому,

¹ Разыскания, стр. 358.

² Там же, стр. 357.

в 1042 г. в походе сына Ярослава — новгородского князя Владимира на Емь. В следующем году он участвовал в неудачном походе Владимира Ярославича на Константинополь, был взят греками в плен и, по видимому, ослеплен вместе с другими участниками похода. В греческом плену Вышата пробыл три года и после своего освобождения не решился вернуться в Новгород, боясь своим возвращением возбудить недовольство новгородцев. Вышата осел на Юге, но здесь его служебная карьера не удалась. В 1064 г. мы видим Вышату в Тмутаракани в свите князя Ростислава.

Если считать, что сын Вышаты — Ян умер в девяностолетнем возрасте, то год рождения его должен быть определен, как 1016 г. Однако выше мы привели уже ряд соображений о том, что Ян Вышатич родился, по видимому, несколько позже и умер более молодым, чем это указано летописцем. Если наше предположение правильно, то понятно, почему ранние годы его службы в дружине киевского князя остались нам неизвестны. Впервые летописец приводит сведения о Яне Вышатиче только под 1071 г., где рассказывает со слов самого Яна об усмирении им восстания волхвов в Белозерье. «Туда Ян прибыл с юга со своею небольшою дружиною (12 отроков и поп) для сбора «полюдья» от князя Святослава,— пишет М. Д. Приселков.— Определить точно год этого факта трудно, так как летописатель, приводя под 1071 г. ряд известий о волхвах, дает умышленно неопределенные указания на время, подчеркивая тем, что эти известия не относятся прямо к этому году, так, для первого известия он употребил выражение: «В си же времена», а для второго (рассказ Яна) еще более расплывчатое: «однажды» («единою»). Вероятнее всего, впрочем, думать, что эта поездка Яна относится ко времени после 1067 г., когда трое Ярославичей, заманив и арестовав семью полоцких князей, переделили свои владения в связи с захватом в свое обладание Полоцкого княжества. Старый текст этого рассказа Яна, сохраненный нам Лаврентьевскою летописью, не оставляет сомнения, что в этом Белозерском крае, где только что установилась власть Святослава Ярославича, Ян получил от князя зимний прокорм для себя и своей дружины и сбор «полюдья», почему Ян называет жителей Белозерья на языке Киева своими смердами и смердами его князя («выдайте волхва та семо, яко смерда еста моя и моего князя»), но волхвы, как известно, не признавали себя смердами Яна и требовали над собой суда князя»¹.

Святослав Ярославич, у которого служил в это время Ян, был черниговским князем. Надо думать, что Ян Вышатич попал на службу к черниговскому князю, пользуясь издавними связями Тмутараканского княжества с Черниговом. В дальнейшем мы видим Яна в Киеве, куда он переехал, очевидно, вместе со Святославом Ярославичем черниговским, когда последний овладел Киевом. Здесь Ян прочно оседает, успешно выдвигаясь в первые ряды киевских дружинников. После

¹ М. Приселков. Указ. соч., стр. 18—19.

смерти Святослава он пережил в Киеве короткое княжение Изяслава, а при Всеволоде достиг поста киевского тысяцкого (см. под 1089 г.: «воеводство Киевская тысяща»).

«Смерть Всеволода,— пишет М. Д. Приселков,— была концом служебной карьеры Яна, хотя еще в последние годы жизни Всеволода положение Яна, видимо, пошатнулось. Указание летописи (несомненно, со слов Яна), что Всеволод стал «любить смысл уных» дружинников и отодвигать «первых» (т. е. прежних), которые могли на это только негодовать, надо сопоставить с дальнейшим известием летописи (со слов того же Яна), что основным принципом построения киевской дружины нового князя Киева Святополка, севшего на стол после смерти Всеволода, был тот же набор и приближение юных и отстранение дружинников старых. Такое единомыслие в дружинном вопросе двух князей, представителей двух враждебных ветвей княжеского дома, представителей двух сменяющих друг друга поколений, нельзя, конечно, отнести к личному капризу их, как казалось это Яну, а проистекало из того, что условия жизни круто менялись, и новые условия требовали новых исполнителей. Легко догадаться, сопоставляя этот факт с «Правдою» Ярославичей, что князья Русской земли переходили от сборов полюдья и даней к феодальной эксплуатации, что, конечно, существенно меняло весь строй жизни и князей и дружинников, из которых «первые» не умели и не могли приспособиться к условиям новой жизни, упрекая князей в том, что они «вирами и продажами» разоряют население, забыв о былых покорениях чужих земель, как лучшем средстве содержания себя и дружины. Ян, как и все старики, срывал свой гнев на «юных» дружинниках тем, что в рассказе о заседаниях боярской думы Святополка (1093 г.) делил дружину (как, смягчая выражения Яна, записал летописец) на «смысленных» (т. е. стариков) и «несмысленных» (т. е. новых дружинников)»¹.

Служебные неудачи Вышаты и его сына Яна Вышатича, их воззрения на политические события своего времени превосходно объясняют характер сообщенных ими сведений о своих предках. С упорством обиженных подчеркивают Вышата и Ян Вышатич свое родство роду киевских князей. Выяснение этого родства через Малушу составляет один из существенных моментов летописных известий о Добрыне. Свое родство с Изяславом подчеркивает Остромир; напомнить о своих родственниках входило в задачи Вышаты и Яна. И Вышата и Ян упорно говорят о тех мудрых советах, какие давали их предки киевским князьям. Нежелание послушать совета Свенельда послужило причиной гибели Святослава. Владимир неоднократно исполнял советы Добрыни и даже добился руки полоцкой княжны Рогнеды благодаря содействию Добрыни. Владимир — вообще любимейший князь этих устных преданий. Неоднократно подчеркивается его большая удачливость сравнительно с братом от другой матери — Ярополком. Это и

¹ М. Приселков. Указ. соч., стр. 19.

понятно: именно Владимир, а не Ярополк был племянником Добрыни по матери Малуше. Владимир же изгнал из Новгорода посадников Ярополка, посадив на их место Добрыню. Слышится совет сына Добрыни Константина и Ярослав. Именно Константину был обязан Ярослав своей победой над Святополком и дальнейшим вокняжением в Киеве. Тенденциозность этих рассказов ясна: в них подчеркивается, что киевские князья не гнушались советом «смысленных людей», как гнушаются ими нынешние, предпочитающие им молву «несмысленных».

Наконец, нельзя не обратить внимания на то, что в деятельности всех решительно представителей рода Вышаты и Яна отмечаются их дальние походы, их сборы даней и полюдья, что должно было служить косвенным упреком современным им князьям, которые не думают о сборе дани с соседних народов, предпочитая «вирами и продажами» разорять собственное население. О походах за данью повествуется в известиях о Свенельде и Мстише-Люте. С сборах дани с болгар рассказывается в летописных статьях о Добрыне. В собственной деятельности Вышата и Ян отмечают именно эти далекие походы, участниками которых они были: на Емь, на Константинополь (Вышата), за сбором полюдья в Белозерье (Ян).

Исследователями давно отмечена связь былинных сюжетов о Добрыне с летописными известиями о нем же. Обратим внимание на некоторые стороны этой связи, на которые до сих пор не обращалось достаточного внимания. Добрыня и в былинах и в летописи занимается сбором дани с соседних народов. Как в тмутараканском предании о хозарах, Добрыня заставляет платить киевскому князю дань даже те народы, которые раньше сами собирали дань на Руси (ср. Лавр. летопись под 6493—985 г.). Так и в былинах Добрыня вместо того, чтобы отвезти дань Идолищу, сам собирает ее и привозит Владимиру.

Вместе с тем былины подчеркивают родство Добрыни и Владимира, подобно тому, как это делает летопись. В былинах Добрыня «племянник» Владимира, т. е. его родственник «соплеменник». Старое народное значение слова «племянник» означает дальнего родственника (см. Даль). Значение этого слова в древнерусском также не вызывает сомнений: это родственник, соплеменник (см. Срезневский, Материалы для словаря древне-русского языка, т. II). Наше значение слова «племянник» передавалось в древней Руси словом «сыновец».

Итак, нельзя не заметить ту связь, которая существует между некоторыми моментами современных эпических сказаний о Добрыне и тенденцией Вышаты и Яна. Что же могло послужить причиной широкого распространения в народной среде родовых преданий старого киевского дружинника Яна и его отца Вышаты?

Летописная статья 1093 г., заключающая собой Начальный свод, подробно повествует о борьбе с половцами. Летописец стремится указать общие причины неудач русских и заключает свою статью поуче-

нием Феодосия: «О казнях божиих», отдельные части которого имели затем широкое распространение в последующем летописании. Эта заключительная статья Начального свода полна высокой скорби о бедах русского народа. В полных трагизма словах описывает летописец страдания русских пленников в половецком плену: «стражюще, печални, мучими, зимою оцепляеми, в алчи и в жажи, и в беде, опустневше лица, почерневше телесы, незнаемии [в IX: незнаемою] странною, языком испаленым, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены тьрнием, со слезами, отвещеваху друг к другу глаголюще: «Аз бех сего города» и другыи «А аз сея вси». И тако соупрошаются со слезами»¹.

Летописец всячески пропагандирует в этой статье необходимость согласованного отпора степи соединенными усилиями князей. С уважением рассказывает летописец о Владимире Мономахе, который после смерти отца своего Всеволода не занял киевского стола, но послал за своим братом Святополком: «яко есть стол прежде отца его был». Много в этой статье было написано летописцем под влиянием суровых речей Яна Вышатича. Трижды ссылается летописец на речи «смысленных людей», состав которых определяется самим летописцем так: «Янь и прочии». В уста этих «смысленных людей» летописец влагает совет Святополку не выступать против половцев в одиночку, а предварительно соединиться с войсками Владимира (Мономаха): «и не всхотеша Половци мира, и ступиша Половци воюючи. Святополк же поча сбирати вое, хотя на не. И реша ему мужи смыслени: «не кушаися противу им, яко мало имаши вои». Он же рече: «имею отрок своих 800, иже могут противу им стати». Начаша же друзии несмыслени глаголати: «пойди, княже»; смыслени же глаголаху: аще бы пристроил [их] и 8 тысяч, не лихо то есть: наша земля оскудела есть от рати и от продаж; но послися к брату своему Володимеру [Мономаху] да бы ти помоглъ». «Смысленни мужи», и между ними Ян, обращаются к русским князьям с призывом: «почто вы распря имате межи собою? а погани губять землю Русьскую; последи ся уладита, а ноне пойдита противу поганым, любо с миром, любо ратью».

Эти призывы «смысленных мужей» к согласованному отпору степным кочевникам роднят заключительную статью Начального свода со Словом о полку Игореве. Не может быть сомнения в том, что речи этих «смысленных людей» записаны летописцем со слов Яна Вышатича, пожелавшего заявить свое мнение в летописи от лица многих («Янь и прочии»), явиться выразителем «смысленных людей», отстраненных Святополком.

Не может быть сомнения и в том, что записанные летописцем со слов Вышаты и Яна рассказы о походах Святослава со Свенельдом, Владимира с Добрыней, Ярослава при содействии Константина, Владимира Ярославича с Вышатой, наряду с родовой тенденцией, служили

¹ Цитирую здесь и ниже по изд. 1926 г., несколько модернизируя орфографию.

этой же цели пропаганды активной политики по отношению к врагам Русской земли. Именно эти-то идеи, думается нам, и привели в результате к широкому распространению в народе отдельных эпизодов этого первоначально узкого родового предания.

Уже в 1128 г. летописец привлек историческое предание о Добрыне для объяснения родовой вражды полоцких князей — рогволодовичей с ярославичами. Изложив под этим годом некоторые события в Полоцком княжении, летописец (повидимому, составитель летописца Изяслава Мстиславича, впоследствии через ряд сводов включенного в состав Лаврентьевской летописи) переходит к изложению исторического предания о Владимире I Святославиче и Рогнеде, в котором в активной роли выступает Добрыня — «храбор и наряден мужь». Историческое предание это летописец передает не со слов какого-либо представителя рода Добрыни, а как народную молву. На это прямо указывают первые же слова рассказа: «О сих же Всеславичих сиче есть яко сказаша ведущии преж». Далее летописец рассказывает, как Владимир, княживший еще в Новгороде, послал своего воеводу Добрыню к Рогвальду просить руки его дочери Рогнеды. Рогнеда не пожелала выходить замуж за «робичича» — сына Малуши («она же рече: «не хочю розути робичича»). Владимир гневается и жалуется Добрыне. Добрыня же «исполнису ярости» идет походом на Полоцк, берет город приступом, а Рогвальда, жену его и дочь — в плен. Владимир убивает Рогвальда и женится на Рогнеде, назвав ее Гориславой. Эпизод этот сохранен русским героическим эпосом в ближайшем сюжете о Добрыне-свате. Но рассказ на этом не прерывается, и дальше сообщается легендарная история ссоры Владимира и Рогнеды, во время которой малолетний сын их Изяслав вступается за мать с мечом в руках.

Приведя это историческое предание о Владимире и Рогнеде-Гориславе, летописец замечает: «и оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлих внуком», мотивируя тем самым вставку в летописный текст народного сказания.

Итак, перед нами ясное свидетельство того, что уже в начале XII в. предания о Добрыне, выделившись из родового предания потомков Свенельда, получили широкое распространение в народе и большую сюжетную законченность, чем это имело место в предшествующих известиях Повести временных лет.

IV

В русский былевой эпос проникли из родовых преданий Вышаты и Яна Вышатича не только воспоминания о Добрыне. В разное время в нем отразились следы каких-то припоминаний об отце Добрыни — Мистише, его сестре Мальфредь Мистинишне, брате Яна Вышатича — Путяте, о самом Яне Вышатиче и др.

На исторический прообраз Никиты Залешанина в лице Мистиши Древлянина было указано еще А. А. Шахматовым в «Разысканиях»:

«...былины сохранили отчество Добрыни, вытекавшее из первоначального о нем рассказа в Древнейшем Киевском своде: они называют его Никитичем, а Древнейший Киевский свод указывал, что он был сыном Мистиши. Ввиду этого мы вправе искать в былинах воспоминаний и о самом Мистише, которого ждем между прочим в виде Никиты. Предполагаю, что образ Никиты Залешанина (Заолешанина) отразил в себе образ Мистиши Древлянина¹; замечательно, что он богатырь не киевский,— поэтому, когда Илья Муромец выдал себя за Никиту, его никто не узнал в княжеском тереме, кроме, впрочем, Добрыни Никитича, очевидно, не в пример другим киевским богатырям, знавшего Никиту Залешанина. Впрочем, в некоторых былинах он назван в ряду других киевских богатырей². Мальфредь Мистинишну или Мстиславну следует, быть может, видеть в Марфиде Всеславьевне, хотя, повидимому, самый свой образ Марфида заимствует у Запавы Путятичны»³.

В числе воевод, разбивших в 1106 г. половцев у Заречьска, Ипатьевская летопись упоминает брата Яна Вышатича — киевского тысяцкого Путятю, двор которого был разграблен во время восстания киевлян против Святополка. Это известное в свое время лицо Вс. Миллер считал возможным отождествлять с былинным Путятиным Путятовичем⁴ в былине о Даниле Ловчанине⁵, возводить к нему отчество Запавы Путятичны и некоторые отголоски народных сказаний о Добрыне и Путяте в истории Татищева⁶. Иоакимовская летопись, как известно, делает Путятю сотоварищем Добрыни и современником Владимира I Святославича. Нельзя видеть в этом исторического свидетельства существования какого-то второго Путяты, отличного от Путяты времени Владимира Мономаха, так как сама Иоакимовская летопись использует народные предания, в которых объединены в единое лицо Владимир Святославич и Владимир Всеволодович Мономах.

Характерно, что Запава Путятична называется иногда племянницей князя Владимира, чем подчеркивается принадлежность обеих к одному роду (о слове племянник, -ца см. выше).

С Путятой Вышатичем связан и другой герой русского эпоса — Казарин, которого Вс. Миллер не без оснований отождествляет с летописным воеводой Казариным — сотоварищем Путяты Вышатича и Яна Вышатича по походу на половцев 1106 г.⁷.

¹ Ср. Песни Киреевских, ч. IV, 46, (прим. А. А. Шахматова).

² Например, Песни Киреевских, ч. IV, 44 (прим. А. А. Шахматова).

³ Разыскания, стр. 378.

⁴ Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II, 1910, стр. 28 и сл.

⁵ Песни Киреевских, ч. III, стр. 29.

⁶ Вс. Миллер. Указ. соч., стр. 28 и сл. Необходимо отметить, что время княжения Владимира описано в Иоакимовской летописи «со многими пирами и веселием» (В. Татищев: История Российская, кн. I, М., 1768, стр. 38) и подверглось, очевидно, значительному влиянию со стороны былин.

⁷ Вс. Миллер. Указ. соч., т. II, глава «К былине о Казарине», стр. 1—31.

Ближайшее отношение к указанным былинным сюжетам имеет также и былина о Глебе Володьевиче (Марков, №№ 50 и 80) и былина «Поход на Корсунь» (Астахова, № 15). Как это установлено Марковым¹ и подтверждено Вс. Миллером, сюжет этих былин отражает поход Глеба Святославовича и Владимира Всеволодовича на Корсунь в 1077 г. Глеб был впоследствии тмутараканским князем, дважды сидевшим в Тмутаракани при Вышате. Впоследствии Яну Вышатичу сам Глеб рассказывал о подавлении восстания волхвов в Новгороде (см. Повесть временных лет под 1061 г.). Ряд совпадений мотивов при этом рассказе Глеба Вышате с былиной несомненен (например, мотив загадывания загадки и последующего убийства отгадчика и др.)².

* * *

Наличие в XI в. развитого родового предания, проникшего в летопись и отраженного в русском былевом эпосе, — факт большого историко-культурного значения. Перед нами своеобразная устная летопись. С разрушением родового быта часть родовых преданий этих устных летописцев переходит в состав письменной летописи — хранительницы исторических преданий русского народа в целом.

Думается, что те многочисленные родовые, семейные и личные летописцы, которые возникают в практике летописания в XII в. и держатся в течение всего XIII, XIV и отчасти XV вв., составляя существенную и отличительную особенность русского летописания в эти века, возникали так легко на русской почве именно потому, что форма их была подсказана летописцам изустной практикой родовых и семейных преданий. Во всяком случае, Византия не знала ни родовых, ни семейных, ни личных хроник. Эта летописная форма, с которой так обстоятельно знакомят нас исследования А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, вполне самобытная, русская, возникшая под влиянием потребности русской жизни, а возможно и подсказанная практикой родовых преданий.

¹ А. Марков. Из истории русского былевого эпоса, вып. I, 1905, стр. 30—66.

² Вс. Миллер. Указ. соч., т. III, 1924, стр. 57—58.